

Син Ми сморщил нос. Всё равно он догадывался, почему Квон Джиён так поздно ушёл. Даже если они не общались, но, видя подобное в повседневной жизни, невозможно было не догадаться. Но, судя по всему, вчера вечером Ёнбэ не смог остановить этого решительного старшего брата, что только подтверждало, что Квон Джиён действительно... сошёл с ума.

Неожиданно вспомнив описание Чхве Сынхёна, Син Ми покачал головой. А, это его не касается, лучше не думать об этом.

Квон Джиён, очевидно, был в крайне плохом настроении, кивнул и сказал:

— Да.

Затем направился в свою комнату. Закрывая дверь, он на мгновение задержался и добавил:

— Скажи Ёнбэ, чтобы не звал меня, и остальным тоже.

С лёгким стуком дверь закрылась, и Син Ми медленно выпрямил голову. Он потрогал свои растрёпанные волосы и через некоторое время пробормотал:

— Но ведь у нас тренировка?

Не придя к какому-либо выводу, Син Ми решил сначала разбудить всех. К тому же он был голоден.

Так что Син Ми, первым увидевший капитана в состоянии, похожем на разбитое сердце, даже не осознавал, насколько унижительно это было для Квон Джиёна. Он выбрал это время, чтобы вернуться, но всё равно попался на глаза.

Позор на всю голову.

Квон Джиён даже не хотел переодеваться, просто снял одежду и залез под одеяло.

За этим последовали боль и разочарование от предательства и обмана. Он всё это время был дураком. Квон Джиён ворочался, и, хотя не спал всю ночь, сон так и не шёл.

Он сел, взял блокнот и ручку, и все чувства, которые всплывали в его голове, превратились в текст песни. Только когда он остановился, он почувствовал, что его переполняющие эмоции немного улеглись.

Он положил блокнот и ручку рядом, снова лёг, и на этот раз, возможно, из-за выплеска эмоций, он почувствовал, как сон медленно овладевает им, пока он не погрузился в объятия Морфея.

*

— Джиён вернулся? — Тон Ёнбэ посмотрел на закрытую дверь комнаты Квон Джиёна и спросил.

Син Ми, жуя еду, кивнул:

— Только что вернулся.

Затем он мигнул, взял молоко, которое ему подал Тэсон, и сказал:

— Спасибо, старший брат.

Уставившись на полный стакан молока, Син Ми продолжил:

— Старший брат Джиён сказал, чтобы мы его не будили.

Сказав это, он закрыл глаза и залпом выпил молоко.

Чхве Сынхён, увидев это, начал стучать палочками по миске:

— О-о-о! Давай, Син Ми, выпей всё за один раз!

Остальные не могли сдержать смеха, и даже Чан Хёнсын не удержался от улыбки.

Все знали, что Син Ми не любил молоко, но пил его ради роста, поэтому каждый раз, наблюдая, как он мучается, но всё же пьёт, стало утренним развлечением для всех.

Провозившись всё утро, они собрались идти в компанию. Тон Ёнбэ подумал и всё же постучал в дверь комнаты Квон Джиёна. Ответа не последовало, и он оставил записку, чтобы тот, как только встанет, сразу шёл в компанию, после чего спокойно ушёл с остальными.

Син Ми оглянулся на общежитие, чувствуя, что что-то забыл.

Чан Хёнсын потянул его за руку и тихо сказал:

— Пошли.

— Да, — прервав свои мысли, Син Ми кивнул Чан Хёнсыну.

Только после долгой тренировки в компании Син Ми вспомнил, что забыл сказать Ёнбэ, что Квон Джиён вернулся мокрым и сразу лёг спать, не приняв душ.

Стоит ли говорить об этом?

Син Ми задумался. Не слишком ли это его касается? Может, старший брат уже вышел, принял

душ и выпил лекарство.

Но сейчас критический момент, нельзя болеть. Син Ми представил, что если Квон Джиён лежит в общежитии с температурой, и никто не знает? Тогда, если он не скажет, последствия будут серьёзными?

Сразу подумав о многом, Син Ми решил рассказать Ёнбэ.

Лучше всего переложить заботы на других. Так Син Ми объяснил себе свои действия.

Рассказав Ёнбэ, он почувствовал облегчение и избавился от странного чувства беспокойства.

Но как только Тон Ёнбэ собрался вернуться, его вызвали на запись, и он смотрел на Син Ми с беспокойством, так как Квон Джиён не отвечал на звонки.

И, конечно, Син Ми снова попросили.

«Я... ведь я не близок с этим старшим братом, почему так естественно просят меня проверить его? Ёнбэ...»

Син Ми бежал обратно в общежитие, думая. Кепка на голове, глаза полны недоумения, всё лицо сморщилось.

И заботы не переложились на других, а вернулись к нему.

Син Ми молча опустил голову и продолжил бежать.

Просто проверю.

Только проверю.

*

— Старший брат Джиён.

Квон Джиён сонно открыл глаза. Близился вечер, в комнате было темно, так как свет не горел, и он лишь смутно видел тонкую фигуру, стоящую у его кровати. Увидев, что он шевелится, тот тихо позвал и наклонился.

Квон Джиён хотел заговорить, но почувствовал, как горло горит. Тот, похоже, понял его состояние, замер, затем повернулся, чтобы что-то взять со стола, вернулся и с трудом поднял Квон Джиёна, поднеся к его губам чашку:

— Старший брат Джиён, вот, это свежеприготовленный сок из груши.

Квон Джиён закрыл глаза и выпил, затем почувствовал, как рука, которая его поддерживала, медленно опустила его на подушку и осторожно убралась. Наклоняясь, чтобы уложить его, тот наклонился так близко, что Квон Джиён даже смог уловить аромат лимона — запах шампуня, которым пользовался этот ребёнок.

Из-за своей чувствительности к таким вещам, даже не будучи близким, Квон Джиён всегда замечал чистый запах, который исходил от этого ребёнка, когда тот проходил мимо, и теперь он понял, кто это.

Закрыв глаза, он стал особенно чутко слышать, как тот тихо поправляет одеяло, тёплая рука касается его лба, и снова звучит голос, который он никогда раньше не слышал, тихий и полный заботы:

— М-м, кажется, температура спадает...

Затем он встал и ушёл.

Несмотря на слабость и усталость от болезни, Квон Джиён, услышав шаги уходящего, с трудом открыл глаза и смутно увидел тонкую фигуру, тихо выходящую из комнаты и закрывающую дверь.

Его сознание было ещё немного затуманено, и он даже не был уверен, действительно ли это был тот ребёнок из их группы, который так заботливо ухаживал за ним. Если бы не облегчение в горле, Квон Джиён подумал бы, что он один в общежитии сгорает от температуры и галлюцинирует.

Значит, то, что он чувствовал, когда ему давали лекарство в самый тяжёлый момент, было не галлюцинацией, а действиями этого ребёнка? Разве он не должен был быть на тренировке? Почему он был в общежитии? Судя по всему, он провёл здесь целый день, ожидая, пока температура спадет...

Квон Джиён почувствовал, как силы постепенно возвращаются, и его сознание стало яснее. Какая-то сила заставила его сесть, и он заметил, что его одежда была заменена, вероятно, из-за того, что она промокла от пота.

Квон Джиён облилизал сухие губы и слегка улыбнулся.

Но, хотя одежда была заменена, запах остался. Квон Джиён решил сначала принять душ. Он медленно встал с кровати, вышел из комнаты и увидел, как тот ребёнок идёт к нему с чем-то в руках. Увидев его в таком состоянии, тот слегка удивился, широко раскрыв глаза, затем нахмурился и инстинктивно отодвинул чашку.

Квон Джиён, заметив это, поднял бровь. Это явно была каша для него, почему он не хотел

показывать?

Пока он размышлял, он услышал, как тот ребёнок снова заговорил своим обычным тоном, вежливо, но с оттенком отстранённости:

— Старший брат Джиён, вы... почему встали?

Увидев, что Квон Джиён пристально смотрит на чашку, тот немного замялся, крепко нахмурился, словно обдумывая, что сказать, затем поставил её на стол и, повернувшись, слегка кивнул Квон Джиёну:

— Старший брат Джиён, вы плохо себя чувствуете. Это каша, которую приготовил старший брат Тэсон. После душа вы можете её съесть.

Сказав это, он заложил руки за спину и направился в свою комнату, говоря:

— Тогда я пойду в свою комнату, старший брат Джиён, если что-то понадобится, позовите меня.

Квон Джиён смотрел, как тот ребёнок стремительно исчезает в своей комнате, и только через некоторое время его запоздалые слова тихо вырвались:

— Эй... Чха Син Ми...

<http://bllate.org/book/15544/1382918>